

Найденная композитором модель «вариантно-горизонтальной полифонии» становится своего рода «классикой» в музыке XX века и отправной точкой для целой ветви современного инструментализма. Достигнутое в ее пределах взаимодействие кристаллического и изменчивого, классического и неклассического, гомофонного и полифонического стало возможным лишь в условиях этой новой «тематической конституции» Шостаковича. Здесь же впервые вариантность оказывается не просто приемом, встроенным в

сферу «тематически концентрированного» или «разработочного развертывания», но становится базовым формообразующим принципом.

Итак, динамика процессов в сфере современного композиторского творчества крайне сложна, разнонаправлена и далека от завершения. Но бесспорно одно: всестороннее проникновение вариантности в опусную традицию взрывает ее монотекстуальную основу и намечает особый, «письменно-устный» вектор в современной академической музыке.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – 504 с.
2. Демешко Г. А. Вариантность как феномен музыкальной практики XX века // Проблемы музыкальной науки. – 2012. – № 2 (11). – С. 7–13.
3. Должанский А. Избр. ст. – Л.: Музыка, 1973. – 211 с.
4. Земцовский И. И. Хронотопы музыкального фольклора: опыт типологии // Пространство и время в искусстве. – 1988. – С. 93–100.
5. Милка А. К вопросу о генезисе фуги // Теория фуги. – 1986. – С. 36–57.
6. Чередниченко Т. В. Музыкальный запас: 70-е. Проблемы. Портреты. Случаи. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 600 с.

References

1. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Aesthetics]*. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.).
2. Demeshko G.A. Variantnost' kak fenomen muzykal'noy praktiki XX veka [Variant Development as a Phenomenon of Musical Practice in the 20th Century]. *Problemy muzykal'noy nauki [Problems of musical science]*, 2012, no. 2 (11), pp. 7-13. (In Russ.).
3. Dolzhanskiy A. *Izbrannyye stat'i [Selected papers]*. Leningrad, Muzyka Publ., 1973. 211 p. (In Russ.).
4. Zemtsovskiy I.I. Khronotopy muzykal'nogo fol'klora: opyt tipologii [Chronotopos of Musical Folklore: Experience of Typology]. *Prostranstvo i vremya v iskusstve [Space and Time in Arts]*. Leningrad, 1988, pp. 93-100. (In Russ.).
5. Milka A. K voprosu o genezise fugi [On Genesis of Fugue]. *Teoriya fugi [The Theory of Fugue]*. Leningrad, 1986, pp. 36-57. (In Russ.).
6. Cherednichenko T.V. *Muzykal'nyy zapas: 70-e. Problemy. Portrety. Sluchai [Musical Reserve: The 1970s. Problems. Portraits. Stories]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 600 p. (In Russ.).

УДК 398.332 (=161.3) (571.14)

КАЛЕНДАРНЫЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ БЕЛОРУСОВ КЫШТОВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Дайнеко Татьяна Владимировна, младший научный сотрудник, сектор фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, РФ); аспирант, кафедра этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: tan-dai@mail.ru.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью апробировать новую теоретическую разработку участников научного проекта «Теоретические проблемы жанрово-стилевой классификации и типологии песенных традиций народов Сибири». Результатом их исследований стало составле-

¹ Российский гуманитарный научный фонд, грант 14-04-00171а.

ние единой «Карты описания локальной песенной традиции», которая позволяет описать и жанровую классификацию, и грамматическое устройство песенной системы как восточнославянских, так и тюркских песенных традиций. Объектом изучения для настоящей работы стала календарная фольклорно-этнографическая традиция белорусов села Колбаса Кыштовского района Новосибирской области. В качестве материалов для исследования используются записи, сделанные автором во время экспедиции 2016 года. В статье дается характеристика обрядовых комплексов указанной локальной песенной традиции с учетом аналитических позиций «Карты...», как то: жанровый состав, семантика жанра, его содержание, терминология (научная и народная), приуроченность (ситуативная, временная, локальная, социальная), форма исполнения (состав участников, количество участников и пр.), передача жанра (трансмиссия). Представлены обрядово-песенные комплексы всего годового календарного цикла: святочного периода, масленичного, пасхального, троицкого, осеннего. Кроме того, в статье публикуются словесные тексты ряда календарных песен, записанных от потомков белорусских переселенцев села Колбаса. В заключение автор приводит некоторые результаты сопоставления жанрового состава календарных обрядовых комплексов села Колбаса с аналогичными сведениями о метропольной традиции и делает выводы о степени сохранности каждого из календарных циклов локальной традиции сибирского села.

Ключевые слова: фольклор белорусов Сибири, календарные обряды и песни белорусов-переселенцев Сибири, Кыштовский район Новосибирской области, карта описания локальных песенных традиций.

CALENDAR FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC TRADITIONS OF THE BYELORUSSIANS OF KYSHTOVSKY DISTRICT, NOVOSIBIRSK REGION²

Dayneko Tatyana Vladimirovna, Junior Researcher, Sector of Folklore, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation), Postgraduate of the Department of Ethnomusicology, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: tan-dai@mail.ru

The paper accounts the calendar folklore-ethnographic unity of the Byelorussian settlers in one of the local settler point of this ethnos in Siberia, Kolbasa village of Kyshtovsky district, Novosibirsk region. The research is based on material collected by the author during the field-work in 2016. According to informants, till the mid-to-late XX century, all genres of the year calendar cycle existed in the village. The author analyzes the genres in which the musical element plays a large part. The Crismastide (The Crismas – New Year – Epiphany) in Kolbasa village presented all the main ritual elements: walking from yard to yard singing carols, fortunetelling, evening parties of young people. The amount of songs in this period was almost the same, including the time-connected genres: carols, childrens' recited waits, troparions. On the Maslenitsa week, many "maslenski" songs and round-songs were sung which were usually strictly connected to a certain ritual action. The spring period in Kolbasa village was presented by the Easter ritual unity: during the Easter week it was customary to walk from yard to yard singing celebratory songs, besides, the Easter troparion and certain prayers were performed. The summer calendar period is marked by the feast of the Trinit Sunday: that day was full of rituals and songs including round songs. Mowing songs and heading songs were performed in the village in earlier times but the informants did not know them. The songs of the autumn cycle survived till late and the informants knew some of their titles. The verbal texts of some songs from different calendar cycles are published in the paper. In conclusion, the author presents the results of comparison of the genres of the year calendar cycle of Byelorussian settlers in Kolbasa village with the same tradition of Byelorussia.

Keywords: folklore of the Byelorussians of Siberia, calendar rituals and songs of the Siberian Byelorussian settlers, Kyshtovsky district of Novosibirsk region, description of local song traditions.

² Russian Foundation of Humanities, grant 14-04-00171a.

Степень научной разработанности проблем, связанных с музыкальным фольклором белорусов Сибири и Дальнего Востока, до сих пор остается недостаточной, хотя эта сфера привлекает ученых разных специальностей. Одним из важнейших результатов комплексной работы исследователей (филологов и музыковедов) в последние годы, безусловно, является подготовка и издание первой части 31-го тома академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока» (2011), куда вошли семейно-обрядовые песни различных жанров и похоронные причитания [6]. Календарно-обрядовой сфере будет посвящена вторая часть тома. Ответственным составителем «белорусских» томов является музыковед Н. В. Леонова, на работы которой следует опираться при исследовании календарно-обрядового фольклора белорусов-переселенцев³. Прежде всего это диссертация Н. В. Леоновой «Русские календарные песни Сибири» [2], которая является именно примером комплексного изучения календарной переселенческой традиции, да еще и близкородственного народа⁴, и другие работы исследователя. Особый интерес представляет информация о западнорусских календарных песнях сибирского бытования, которые по своей типологии близки к белорусской традиции. Важно отметить, что Н. В. Леонова наряду с другими использует методологические подходы, разработанные в трудах белорусского этномузыколога З. Я. Можейко, в первую очередь в книге «Календарно-песенная культура Белоруссии: Опыт системно-типологического исследования» (1985) [4]. В указанном исследовании автор предлагает типологию белорусских календарных песен на основе обобщения наиболее характерных ритмических вариантов – как общебелорусских, так и локальных. Отдельная глава посвящена мелодическим типам, кроме того, проведено картографирование типовых напевов. При исследовании песенных традиций сибирских белорусов необходимо опираться на методы, предложенные

³ Н. В. Леонова также была в числе составителей тома, посвященного аналогичной жанровой сфере фольклора русских и изданного в той же серии [5].

⁴ Помимо целостного рассмотрения русской календарной традиции сибирского бытования, Н. В. Леонова выявляет характерные черты ее локальных очагов – Новосибирской, Омской, Томской областей и Красноярского края.

З. Я. Можейко, поскольку одна из задач исследователей фольклора сибирских белорусов (в том числе и автора настоящей статьи) – выяснить степень сохранности ветви белорусской традиции в Сибири, зафиксировать глубину произошедших в ней изменений. Важным шагом в деле изучения песенных традиций народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе и белорусов, можно считать составление карты описания локальных песенных традиций, осуществленное участниками научного проекта «Теоретические проблемы жанрово-стилевой классификации и типологии песенных традиций народов Сибири»⁵ [3]. Карта «состоит из трех крупных разделов, включающих 74 позиции описания. Первые две позиции – это жанровый состав традиции в целом, последующие позиции относятся к каждому из выделенных жанров («Общая характеристика жанра», «Вербально-поэтическая характеристика жанра», «Музыкально-поэтическое устройство (грамматика) жанра»)» [3, с. 164]. Карта описания позволяет представить какую-либо локальную песенную традицию целостно – по ряду «иерархических признаков, характеризующих её в направлении от плана содержания к плану выражения» [3, с. 165], а затем сравнить ее с другими песенными традициями.

К настоящему моменту собрана солидная база архивных материалов по фольклору белорусов-переселенцев, которая продолжает пополняться новыми экспедиционными записями. Так, в августе 2016 года состоялась комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция в Кыштовский район Новосибирской области, проведенная сектором фольклора Института филологии (ИФЛ СО РАН) и Новосибирским областным центром русского фольклора и этнографии (ОЦРФиЭ)⁶. Маршрут экспедиции охватил села

⁵ Проект РГНФ 14-04-00171а «Теоретические проблемы жанрово-стилевой классификации и типологии песенных традиций народов Сибири», руководитель проекта Г. Б. Сыченко, участники проекта: Т. В. Дайнеко, Н. В. Леонова, Е. Л. Тирон, Ж. М. Юша.

⁶ В подготовке и проведении экспедиции принимали участие младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН Т. В. Дайнеко (руководитель), научный сотрудник того же сектора, кандидат искусствоведения Е. Л. Тирон и сотрудники ОЦРФиЭ: зав. отделом экспедиционно-исследовательской работы Т. Ю. Мартынова и зав. отделом народного творчества Л. В. Суrowsкая.

Кыштовка (районный центр), Малая Скирла, Камышинка, Колбаса, Крутиха. Материалы экспедиции хранятся в личных архивах собирателей, а также в архивах ОЦРФиЭ и сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН. Небольшая часть материалов экспедиции опубликована [1]. Цель настоящей статьи – взяв за основу позиции указанной выше аналитической карты описания, представить жанровый состав одной локальной традиции – календарной фольклорно-этнографической традиции белорусов-переселенцев села Колбаса Кыштовского района Новосибирской области⁷. В селе Колбаса⁸ большая часть сведений о календарных обрядах и песнях были записаны от Евы Ивановны Павлюковой, 1930 г. р., меньшая – от Верещагиной Любови Максимовны, 1928 г. р. Судя по рассказам информантов, вплоть до второй половины XX века в селе бытовали жанры полного годового календарного круга. Остановимся на некоторых его вехах, особенно насыщенных песнями.

Святочный период (Рождество – Новый год – Крещение) содержал все основные обрядовые элементы – обходы дворов с пением поздравительных песен, гадания, молодежные вечерки. Назывался этот двухнедельный период «Каляды» и отличался тем, что «[каждый] вечер святой, а день работают» (Л. М. Верещагина). Песенный репертуар в эти дни особо не отличался и включал в себя следующие жанры, строго приуроченные именно к данному временному периоду: обходные поздравительные песни, детские речевые колядки, тропари. Все они имели равное значение для традиции, не создавая иерархической системы. В народной терминологии все эти жанры также

обозначались одинаковыми словами: «*христославить*» или «*славить*» – «у нас это [так] называли» (Е. И. Павлюкова). По дворам ходили и дети, и взрослые (в основном молодежь). Взрослые пели тропари, однако само это слово информанты не употребляли, обозначая их по приуроченности: «пели Рождаство», «пели Хрещение». Тексты тропарей у разных информантов оставались неизменными, напев мог немного варьироваться. Детские колядки отличались от колядок, исполняемых взрослыми, не только составом исполнителей, но и содержанием. Сравним два текста – детской колядки, которую можно было и пропевать, и проговаривать: «Христолаў, христослаў, / Мене батька послаў, / А вы, люди, знайтя, / Кусок сала дайтя. / Дайтя мне колбасу, / Я домой понясю. / Матка сжарить, / Батька похвалить», и колядки (она могла также выполнять функцию песни-посевания), которую исполняли взрослые: «А [в] поле, поле Дева Мария, / Дева Мария ризу носила, / Ризу носила, Бога просила, / Штоб Бог народиў, сам Господь ходиў, / Жито-пшаницы, всякой пшаницы. / Сею-вею, посеваю, / С новым годом проздравляю! (оба текста записаны от Е. И. Павлюковой). Как видим, содержание словесного текста детской колядки имеет шуточный оттенок, тогда как в тексте взрослой песни присутствуют религиозные мотивы. Важно отметить также различие во временной приуроченности: взрослые могли совершать обход дворов с пением и вечером, и утром, дети же колядовать ходили утром: «Вот как вже подымаются, в это время ходют вовсю дети» (Е. И. Павлюкова). Колядовщиков пускали в дом, угощали их тем, «што есть». Колядование и детей, и взрослых было коллективным – собирались по несколько человек. Взрослые могли сопровождать колядование святочным обрядовым действием – «звязду носили». *Гадания* девушек села Колбаса, по словам информантов, не предполагало пения. В особый речевой жанр можно выделить речевые приговоры, которыми сопровождалось обрядовые действия. Например, собрав двенадцать сухих веточек или травинок в двенадцати «заградочках», девушка должна была положить их на ночь под подушку со словами: «“С кем мне век вековать, приди ко мне ночевать” – вот тот жених тебе приснится» (Е. И. Павлюкова). *Молодежные вечерки* включали пение песен, а также частушек. Пение песен могло иметь самостоятельное значение, причем

⁷ Выбор села продиктован тем, что от жителей именно этого населенного пункта записаны наиболее подробные сведения о календарной традиции. В материалах, собранных в других селах, преобладали песни других жанровых сфер, сведений же о календарно-обрядовом фольклоре было собрано немного.

⁸ Село было основано в 1890 году крестьянами-белорусами, в основном выходцами из Могилёвской губернии, переселившимися в Сибирь в ходе аграрной Столыпинской реформы. В разные годы в село переселялись также выходцы из Брянской, Калужской, Смоленской и других областей. Однако численный перевес белорусов и хорошая сохранность белорусской культуры в течение долгого времени позволяли считать село моноэтническим.

исполнялись песни разных жанров («всякаивсяка»), а могло и выступать в качестве аккомпанемента для танцев (например, краковяк), если не было инструментального сопровождения.

На масленичной неделе, по утверждениям информантов, в селе Колбаса пели много «масленских» песен (народная терминология). Однако спеть смогли только одну из них – шуточную корильную, в которой традиционно высмеиваются парень и девка, не создавшие семью до Масленицы: «Ой, Масленка, белый сыр, / Чего, Ванька, не женился, сукин сын? / Ой, Масленица, белая мука, / Чего, Танька, ня вышла замуж, сукина дачка?» (Е. И. Павлюкова, такой же текст исполнила Л. М. Верещагина). Особым речевым жанром следует считать *приговоры* этого периода: «Как я в батьке заговела – чтоб у мойго батьки борода погорела» (Е. И. Павлюкова), «Лучше б у батьки баня сгорела, чем я завдовела» (Л. М. Верещагина). Произносились они женщинами и девушками; ситуативный контекст приговоров, к сожалению, остался неизвестным. По словам информантов, к периоду Масленицы были приурочены некоторые *хороводные песни*, которые в праздничном контексте обычно приобретали четкое закрепление за каким-либо обрядовым действием – например, песню могли петь при сжигании чучела. К сожалению, конкретные примеры песен информанты не смогли исполнить.

На пасхальной неделе в селе Колбаса принято было обходить дворы с пением поздравительных песен. В своем рассказе Е. И. Павлюкова четко обозначает и ситуативную, и временную, и локальную, и социальную приуроченность таких песен: «А взрослые у нас – Пасху ходили пели. На второй день Пасхи всё ходили вечерами под окошком. Это уже стишок совсем другой, который на Пасху поётся (*поёт*): Под окно идём, добрый день несём. / Христос воскрес, сын Божий! / А ти спишь-ляжишь, сам пан-хозяин? / Христос воскрес, сын Божий! / А кылда ня спишь, говори со мной. / Христос воскрес, сын Божий! / Раствори окно, погляди в гумно. / [Христос воскрес, сын Божий!] / Что у том гумне чудо явилось. / [Христос воскрес, сын Божий!] / Чудо явилось, церковь становилась. / Христос воскрес, сын Божий!».

Петь поздравительные пасхальные песни, по воспоминаниям Е. И. Павлюковой, ходили и мужчины, и женщины: «Человек по двенадцать собирались. Конечно, не все пели. Которые вже

ўмели – пели, а ети так». Заходили в те дома, к кому хотели. Хозяева одаривали поющих. Подчеркнем, что информантка не сообщила специальных названий для совершающих обходы людей (типа «волочбники»), и никак не обозначила жанр исполняемых ими песен. По таким выражениям, как «на Пасху ходили пели» и «это стишок совсем другой, который на Пасху поётся», можно судить о строгой приуроченности песен; об этом же свидетельствует и содержание их словесных текстов с характерными повторяющимися припевами. Кроме волочбных песен (по сути, но не называемых таковыми носителями традиции) в Пасху пели тропарь «Христос воскрес»; при посещении кладбища в послепасхальный период могли спеть «давоскресную молитву» («Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...»; Л. М. Верещагина).

Троица. Этот день был насыщен обрядовыми действиями и песнями. Молодёжь и взрослые собирались и шли «в край деревни... к речке. Возле речки там венки завивали, пускали вянки. И песни тожа пели такие ж самы, как вянки завивать (то есть троицкие. – Т. Д.)». Е. И. Павлюкова отмечает, что этот праздник отличался насыщенностью *хороводами*: «особенно на Троицу водили хороводы», «на Троицу всё пели хороводские песни». Уже когда шли к реке, могли завести орнаментальный хоровод, с выбором пары и переходом с нею в конец шеренги: «вот через пару всё переходили, переходили – один через одного, и так до самой до речки туда, у край деревни сходили, пели». Каждое обрядовое действие сопровождалось песней. К сожалению, песни информантка спеть не смогла, вспомнила лишь, что в одной из них пелось про «кумушек». Эту троицкую песню («Вы кумушки, вы голубушки, сястрицы мои, а будеть вянки завивать, завейте и мне...») для участников экспедиции исполнили позже Любовь Максимовна Верещагина и Прасковья Киреевна Булкова, 1932 г. р., причем П. К. Булкова четко назвала её жанровую принадлежность. Е. И. Павлюкова из хороводных песен смогла назвать «В нас по морю, морю синему» и рассказала, что под эту песню хоровод водили «кругом», как и под большинство других хороводных песен: «Да, в кругу ходили. Даже не токо один круг, деревня была большая – два круга собирались, ходили. Вот в серядине круг и [ещё один]. В одну сторону [водили хоровод]. Вот так вот (очерчивает круг по часовой стрелке. – Т. Д.) ходили и всё

пели песни етыя». Л. М. Верещагина и П. К. Булкова полностью исполнили эту песню; вторая информантка, как и в случае с песней про кумушек, четко обозначила её жанр: «вот это троицкая».

Именно во время рассказа о троицких песнях Е. И. Павлюкова сообщила ценные сведения, касающиеся способов передачи жанра (трансмиссии), причём, видимо, не только троицких песен, а вообще традиции данного села. Знакомом хороводных песен и их заводилой была односельчанка (к сожалению, её имя, фамилия и происхождение остались неизвестными. – Т. Д.): «одна женщина у нас была, усё водила хороводы. Молодёжь полностью собярутся все. Она уже в круг войдёт, и она была заводителем. Она знала, как [водить хороводы], и в каждой песне. И все хороводские пела она. Все выучили уже с ей, подпевали». Причём освоение фольклорной традиции происходило не только непосредственно во время пения и вождения хороводов, но и намеренно, специальным образом: «А кому интересно... я вот заинтересовалась [и прошу]: Наўчи мене. И все собираются и тада учутся петь». Е. И. Павлюкова констатировала, что с уходом из жизни этой женщины хороводная традиция села стала разрушаться, хотя некоторые из более молодых жителей села старались запомнить и сохранить песенный репертуар: «Много она песен знала! И вот одна она, женщина тая. Как ўже яе не стало, то у нас заглохло», «хоровод как надо не водили вже тада». «И мы тада, которые уже запомнили што, и вот еты старинные песни, мы тожа так же само от старых и учились. Заинтересовало нас».

Покосные и жнивные песни, по словам информантов, также бытовали в селе, но они их уже не знали, только слышали, что были такие песни. Были и **вбсеньские песни**, они сохранились лучше – Е. И. Павлюкова смогла вспомнить название одной из них: «Вот Закурився-задымився силён дробен дожжик – это вбсеньская». Не раз в беседе информанты отмечали, что в прежние времена пение песен было строго регламентировано сезонностью. С разрушением традиции приуроченность песен постепенно исчезала – их пели для удовольствия, на досуге, в любое время года:

«Ну вот когда женщины собирались, когда сидят вот так вечером – ну чем заниматься? Песни! А песни – какая на ум взбредает, ту и поёшь уже. Или весной ты, или летом, или осенью. Песни как попало пели. Но всё равно разбирались, какая: это вот вбсеньская, ета вясенняя, а ета летняя» (Е. И. Павлюкова).

В заключение кратко приведем некоторые результаты сопоставления жанрового состава календарного годового круга белорусов-переселенцев из села Колбаса с аналогичными сведениями о «материнской» традиции [4, гл. 1]. Материалы экспедиции 2016 года свидетельствуют, что в сибирском селе вплоть до настоящего времени в полном виде сохранялись обряды и песни зимнего цикла. Весенний цикл предстает в редуцированном виде: развитый масленичный обрядовый комплекс сохранялся значительно дольше, чем связанные с ним и многочисленные в прошлом песни (удалось записать лишь единичные образцы); сведений о закличаниях весны информанты не сообщили вовсе (возможно, они не свойственны данной традиции); ядро пасхального песенно-обрядового комплекса сохранялось (хотя обходные песни и не назывались волочебными). В летнем цикле центральное место занимает троицкий период, насыщенный характерными обрядами (от украшения жилищ до хороводными пускания в реку венков) и песнями (как собственно троицкими, так и приуроченными); вместе с тем о юрьевских, русальных, петровских песнях информанты даже не упоминают; отсутствуют в данной локальной традиции и купальские песни, а обрядность этого периода сводится к детским развлечениям. Покосные и жнивные песни, видимо, постепенно исчезли вместе с данными видами труда. Дольше сохранялись песни осеннего цикла, и некоторые из них информанты смогли назвать. В небольшой статье отражены только жанровые характеристики песенной традиции села Колбаса Кыштовского района Новосибирской области (см. [3, приложение, с. 166, п. I]); **дальнейшее** изучение собранных материалов позволит составить более полное представление о данной локальной традиции.

Литература

1. Дайнеко Т. В. Календарные песни села Камышинка (мат-лы экспедиции 2016 года) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2016. – № 2 (вып. 31). – С. 85–91.
2. Леонова Н. В. Русские календарные песни Сибири: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1996а. – 16 с.

3. Леонова Н. В., Сыченко Г. Б., Юша Ж. М. Принципы многоуровневого описания локальных песенных традиций // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 30. – С. 161–168.
4. Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. – Минск: Наука и техника, 1985. – 247 с.
5. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. – Новосибирск: Наука, 1997. – 605 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 13).
6. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. Семейно-обрядовые песни и причитания / сост. Н. В. Леонова (отв. сост.), Т. Г. Леонова, Л. М. Свиридова, Т. Б. Варфоломеева, К. П. Кабашников, А. С. Федосик; отв. ред. В. М. Гацак. – Новосибирск: Наука, 2011. – 548 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 13).

References

1. Dayneko T.V. Kalendarnye pesni sela Kamyshinka (materialy ekspeditsii 2016 goda) [Calendar Rituals and Songs of Kamyshinka Village (Fieldwork Materials of 2016)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Native Peoples of Siberia]*, 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 85-91. (In Russ.).
2. Leonova N.V. *Russkie kalendarnye pesni Sibiri: avtoreferat diss. kand. iskusstvovedeniya [Russian Calendare Songs of Siberia. Author's abstract of diss. PhD in Art History]*. Novosibirsk, 1996. 16 p. (In Russ.).
3. Leonova N.V., Sychenko G.B., Yusha Zh.M. Printsipy mnogourovnevnogo opisaniya lokal'nykh pesennykh traditsiy [Principles of the Multi-Level Description of Local Song Traditions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 1 (30), pp. 161-168. (In Russ.).
4. Mozheyko Z.Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemno-tipologicheskogo issledovaniya [Calendar-Song Culture of Byelorussia]*. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1985. 247 p. (In Russ.).
5. *Russkiy kalendarno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'negu Vostoka: Pesni. Zagovory. T. 13. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'negu Vostoka [The Russian Calendar and Ritual Folklore of Siberia and the Far East: Song Charms and Spells. Vol. 13. Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far-East]*. Prepared by F.F. Bolonev, M.N. Melnikov, N.V. Leonova. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997. 605 p. (In Russ.).
6. *Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'negu Vostoka. Chast'1. Semeyno-obryadovye pesni i prichitaniya. T. 13. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'negu Vostoka [The Byelorussian Folklore of Siberia and the Far East. Part 1. Family Ritual Songs and Laments. Vol. 13. Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far-East]*. Prepared by N.V. Leonova, T.G. Leonova, L.M. Sviridova, T.B. Varfolomeeva, K.P. Kabashnikov, A.S. Fedosik. Ed. V.M. Gatsak. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011. 548 p. (In Russ.).

УДК 78.06

ТАТАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР В СОЧИНЕНИЯХ СОФИИ ГУБАЙДУЛИНОЙ: НОВАЯ ЖИЗНЬ ТРАДИЦИИ

Шириева Надежда Велеровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры татаристики и культуроведения, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, РФ). E-mail: taha1978@mail.ru

Дыганова Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры татаристики и культуроведения, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, РФ). E-mail: dirigerdea@mail.ru

Настоящая работа является продолжением исследования «татарских» сочинений Софии Губайдулиной. В предыдущей статье, посвященной рассмотрению трех циклов для домры «По мотивам татарского фольклора», феномен текстового билингвизма как диалога «своего» (этнического) и «чужого»